

ОТ ХЕТТОВ К ГОМЕРУ

(Рец. на кн.: *Bachvarova Mary R. From Hittite to Homer : The Anatolian Background of Ancient Greek Epic / Mary R. Bachvarova. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – P. XXXVIII, 649*)

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 марта 2018 г.

Рецензируемый труд заведующей кафедрой классических исследований Орегонского университета (США) посвящен изучению одной из важнейших проблем древней истории – вскрытию механизмов и тенденций, свойственных процессу и результатам устной передачи записей мифов и памятников эпической литературы хеттов и Древнего Ближнего Востока древним грекам Гомеровской эпохи в общем и их отображению в эпических поэмах Гомера в частности. С этой целью автор выбрала два самых важных и существенных аспекта с точки зрения основной задачи предпринятого исследования. Относительно ближневосточного литературного влияния на «Илиаду» Гомера и его наследства в эпической поэме она большое внимание (для этого потребовалось написание 10 глав текста, в особенности 5–7) отводит рассмотрению хуррито-хеттской поэмы «Песнь освобождения». Текст «рукописи» этой эпической поэмы датируется 1400 г. до н. э., таблички с ее содержанием были открыты ещё в ходе первых раскопок столицы хеттского царства Хаттусасы под руководством Г. Винклера в начале прошлого века. Основным содержанием этой поэмы выступает рассказ о тяжелом положении населения города Икинкалиса, находящегося в плену в столице города-государства Эбла. С целью облегчения его участи бог Тешуб обратился с соответствующей просьбой к царю. Выступая в народном собрании, Бог увещевает земного правителя Меги освободить людей от выполнения различного рода тяжелых повинностей и уплаты налогов. В противном случае Тешуб грозит разрушить Эблу. Но не тут-то было. Царя по призыву сильного и красноречивого оратора Зазаллы поддерживают старейшины Эблы и тем самым отвергают пожелание божества. Как результат этого (сохранившийся во фрагментах текст поэмы не оставляет сомнений в заключительном итоге), в наказание за неподчинение своей воле Тешуб разрушает Эблу до основания.

Этот сюжет М. Бачварова считает возможным рассматривать в качестве параллели основной линии

развертывания повествования в гомеровской «Илиаде» или сходной с нею сюжетной фабулы в многочисленных к ней подражаниях. В особенности она полагается на кажущееся ей сходство в повествованиях хеттской и греческой поэм сюжетной линии, согласно которой «два персонажа выступают в народном собрании по поводу освобождения пленников на фоне нарастающей угрозы грядущего с неизбежностью разрушения города (с. 133). По мнению М. Бачваровой, существенным доказательством в данном случае выступает идентичность действий героев и последовавшего вслед за ними результата: Мега отказался освободить пленников, троянцы отвергли просьбу вернуть Елену – жену, похищенную у царя Менелая их царевичем Парисом. В итоге оба города погибли. Более того, как полагает исследователь, сходство обнаруживается и в самом начале – прологе «Илиады», в котором она считает возможным видеть отображение, если не прямое влияние начальной части хеттской поэмы. Это касается ссоры в народном собрании «Песни освобождения» и эпического «гнева» Ахилла по поводу отобранной у него предводителем ахейцев Агамемноном захваченной в плен женщины Хрисеиды, которую вождь «мирмидонян, эллинов и ахейцев» справедливо рассматривал в качестве добытого копьем трофея (с. 14, 139–142).

В качестве другого примера перехода ближневосточного сюжета через хеттов в эпическую поэзию Древней Греции, в частности, гомеровские поэмы, автор привлекает сказание о «Проклятии Нарам-Суэна» («Кутийская легенда»). В нем ведется повествование о том, как боги подговорили чудовищных врагов совершить нападение на царство Нарам-Суэна из династии Саргонидов (XXIII в. до н. э.). Тот принял к сведению советы богов о знаменьях, но пренебрежительно отнесся к их пожеланиям, за что был незамедлительно наказан. Его царство погибло. Принимая во внимание неудачу царя, боги решили предоставить ему шанс для победы и изгнания наглых и коварных врагов. Эта история относится к жанру *paḫu*, который в аккадских и хеттских манускриптах включал древнемесопотамские царские псевдоисторические над-

писи времени династии Саргонидов. Хеттам они были хорошо известны и пользовались популярностью столичных жителей в Хаттусасе.

Согласно В. Бачваровой, «Кутийская легенда» представляет аналогичный и кульминационный фрагмент сюжета в сравнении с «Илиадой»: Гектор, несмотря на свою героическую природу и божественную силу, обречен на гибель, потому что он, надеясь исключительно на помощь со стороны Зевса, как и Нарам-Суэн по отношению к своим богам, отнесся с пренебрежением к его воле (с. 191–195).

Доказывая наличие отображенного в письменных памятниках влияния устных рассказов одного типа литературной традиции (месопотамской) на другой (хеттский, древнегреческий), автор стремится продемонстрировать, когда и как это могло иметь место. Относительно взаимосвязей между литературой Древнего Ближнего Востока и эпической поэзией древних греков исследователи прошлого (в частности, Вальтер Буркерт и Мартин Вэст (о них на с. 262) полагали, что временем этих контактов был так называемый ориентализирующий период, в границах которого происходил процесс передачи идей и ценностей культуры в направлении с востока на запад. Последний из них высказывает предположение, согласно которому восприятие восточных идей могло иметь место также во времена вероятного путешествия семитических эпических поэтов по сирийскому побережью во времена Новоассирийского глобализма, способствовавшего как устному, так и письменному по своим формам заимствованию в Восточном Средиземноморье мифологии и эпической поэзии древними греками.

В. Бачварова вовсе не отрицает наличие указанного пути трансляции материальных, художественных и духовных ценностей между Передней Азией и Грецией (с. 285–294). Несмотря на это, опираясь на весьма плодотворные идеи современной науки, она приходит к заключению, что их передача, носившая как непосредственный, так и опосредованный характер, происходила в гораздо более древнее время, имела более существенный характер и развивалась самыми разными путями и на разных уровнях. Положив в основу предположение о существовании догомеровской «Илиады», передаваемой аэдами в устной форме уже в XI в. до н. э., она ставит вопрос о том, что именно они, как и их собратья на Ближнем Востоке, несут ответственность за удивительную близость мифов и эпической поэзии далеко отстоящих друг от друга регионов.

К ним она относит и фригийских «бардов», переселившихся из материковой Греции в Малую Азию, или «рапсодов» еще более древних времен, впитавших устное наследие Анатолии эпохи поздней бронзы, из чего берет начало как двуязычность хеттских

поэм, так и восприятие их языка и содержания творцами древнегреческого эпоса. Другую причину живучести поэтической традиции автор усматривает в использовании героических песен в культовых ритуалах и совершении погребальных обрядов перед персонами хеттских правителей в странах на Ионийском побережье Малой Азии (с. 300). Но самое главное, память о процветавшей, но погибшей и находящейся в руинах Трое, с точки зрения В. Бачваровой, и выступала средоточием той разнотипной мифопоэтической по своему типу информации, откуда жители Анатолии и греки взаимно могли черпать знания относительно своего настоящего и прошлого. Устная традиция, воплощенная в памятниках письменности Ближнего Востока и Малой Азии, основные сюжетные линии мифологических и эпических повествований о гибели знаменитого города Эбла и долго умирающем герое-царе Нарам-Суэне стали, как полагает автор, теми своеобразными нитями утка и основы, с использованием которых древними греками было выткано полотно «Илиады».

Представить сам способ такой передачи – дело непростое. «Песнь освобождения» и «Кутийская легенда», как и множество других эпических сказаний, привлекаемых автором в обоснование тезиса относительно истоков, источников и составных частей гомеровского эпоса, не ограничивается только этими произведениями. Как и множество других ученых до нее, она считает, что весьма существенное влияние на эпические поэмы древних греков оказал «Эпос о Гильгамеше», хорошо известный хеттам и присутствующий в письменных памятниках Хаттусасы в виде школьных изложений и сочинений на аккадском, хурритском и хеттском языках. Однако столица хеттов была разрушена в 1200 г. до н. э. В том же году перестало существовать и Хеттское царство. Язык и письменность с падением государственности стали мертвыми.

Какое с учетом данного обстоятельства следует дать объяснение сохранению мифоэпической традиции исчезнувшего народа? На этот вопрос автор отвечает убедительно и однозначно: этому способствовала устная передача отдельных песен устными сказителями. Следует иметь в виду, что теория устной традиции никогда не была популярной в ближневосточном востоковедении, и в особенности в ассириологии. Причина сокрыта в историографии Древней Передней Азии. Когда возникла гипотеза Перри-Лорда о живучести и роли устной передачи информации во времени и пространстве, большинство основных эпических источников были изучены только частично, в результате чего их литературная история утонула в сумерках незнания. Однако прогресс в дешифровке и накоплении литературных памятников в табличках клинописных текстов обусловил новый,

связанный с абсолютизацией верности указанной теории этап в их изучении: зарубежные и отечественные ученые-ассириологи стали безоговорочно использовать ее в качестве основного инструмента исторического объяснения. В том числе и относительно того, как и почему эпос Древнего Ближнего Востока сумел не только выживать в течение столетий, но и проявил способность воздействия на инокультурные традиции и иноэтничную мифологию и эпическую поэзию.

С начала 1980-х гг. в исследовании литературных текстов древних шумеров, аккадцев, амореев и населения соседних с Месопотамией областей был достигнут прогресс, выразившийся в констатации специалистами огромной роли в передаче культурных ценностей, в том числе мифопоэтических идей и эпических текстов, которую сыграла в их трансляции и ретрансляции не только Месопотамская общеобразовательная школа, но и аналогичные учебные заведения в Древнем Египте, Финикии, Сирии и Анатолии.

Переписка, хранение, заучивание мифов, эпических сказаний, составление каталогов и производство переводов литературных произведений на другие языки, тексты которых выявлены археологически, – все это, как показывают соответствующие факты, в условиях сетевых связей и международной торговли, по мнению В. Бачваровой, обеспечивало постоянный, непрерывный поток обмена информацией во всех регионах как центра, так и периферии Древнего Ближнего Востока, Эгеиды и материковой Греции.

В. Бачварова освобождает эти источники от определения в качестве светских. Посредством обращения к наиболее информативным данным это обычная практика, диктующая необходимость, особенно по причине эпизодичности и фрагментарности информации в письменном источнике, исследования его природы, оценки поэтических качеств и достоверности отложившихся в нем сведений – ей удалось показать, что не все из сохранившихся до нашего времени записей ближневосточной эпической поэзии были на самом деле результатом школьных упражнений. Они, по мнению автора рецензируемого труда, в большинстве своем представляли тексты, вокально озвучиваемые при совершении культовых обрядов, в особенности связанных с похоронами или прославлением предков. А поскольку поэтические произведения представляли собой часть культа, они сами становились средствами устной передачи даже после исчезновения хеттской клинописи. Этому способствовала их роль в ритуалах прославления предков, когда они приводились в соответствие с их идеологической миссией – обоснованием достоинств власти нового царя в сравнении с заложенными в нем фамильными чертами его предков и предшественников

божественного или полубожественного происхождения (гл. 10–11). Еще одну форму (и направление) распространения литературных заимствований В. Бачварова усматривает в той роли, которую могли сыграть рынки престижных вещей и драгоценных металлов Западной Азии в конце II тыс. до н. э. (с. 206–218).

Подводя итоги, М. Бачварова акцентирует внимание на том, что в правильной оценке данного вопроса следует исходить из объединения школьных сочинений с памятниками устной поэзии, носителями которой они являлись, что и должно определять как источник-носитель и как важнейшее средство (наряду с сохранением сюжетов эпической поэзии в устной традиции ближневосточных «рапсодов») передачи и заимствования заложенной в них информации.

Глубина и фундаментальность предпринятого исследования – отличительная особенность рецензируемого труда. Цель и задачи, постановка проблемы, формулировка основных аспектов темы и аргументация выводов изложены автором в содержании трех основных частей. В первой переосмыслению подвергнуты разнотипные источники, происходящие главным образом из Хаттусасы (гл. 2–8), обобщение информации которых позволило автору непосредственным образом перейти к исследованию проблематики, связанной с миром идеологии и культуры населения Древней Малой Азии и Восточного Средиземноморья, акцентируя внимание преимущественно на их хетто-хурритских аспектах (гл. 9–14). Вторую и третью части автор посвятила так называемому Гомеровскому вопросу, времени и месту создания «Илиады», в исследовании которых она существенное внимание уделила установлению возможных взаимосвязей греческих и двуязычных поэтов Анатолии (гл. 15–16). Пожалуй, трудно назвать тот аспект, который не подвергся бы со стороны автора скрупулезному анализу в деталях: будь то рассмотрение документов Эблы, Угарита или тщательный анализ аккадских, хеттских письменных источников или произведений Гомеровского эпоса. Среди них В. Бачварова затронула особо важные и дискуссионные в наши дни проблемы: проблему хеттской Аххийявы (гл. 13), вопрос о монументальном искусстве Нового царства хеттов (с. 379–393) и состоянии дешифровки хеттской иероглифики (с. 315–317, 347–348). Равным образом она не оставляет без внимания ни параллели с тюркской эпической поэзией (с. 48–49), ни новейшие данные археологии Кипра (с. 306–310), ни вопрос о времени падения Трои (с. 361–373), ни даже такой аспект, как происхождение дактилического гекзаметра вообще (с. 458–464).

В ходе рассмотрения знаменитой проблемы Ahhiyawa она опирается на новейшие трактовки современных ученых, в частности принимает взгляды

Р. Орешко по поводу трактовки соотношения терминов *Niyawa/Ahhiyawa* [1], присоединяясь к выводу другого российского ученого И. С. Якубовича, высказавшего предположение о тождестве *Niyawa* и *Adana* [2]. Свое согласие с указанной трактовкой она подкрепила сопоставлением древнего названия Кипра в новоассирийском языке *Iathana*, что соответствовало финикийскому термину *danuna* и его трактовке в египетских надписях времени Аменхотепа III/IV *danune/danone/tanaya* (с. 316–317).

В заключении автор убеждает своего читателя в том, что постановка вопроса, как и поиски истоков эпической поэзии древних греков в содержательной части мифологии и аналогичной по типу поэзии народов Древней Передней Азии и Восточного Средиземноморья, а также окружавших древних греков и более древних в сравнении с ними носителей других культур, неизбежно диктует настоятельную необходимость исследования героического эпоса древних греков и гомеровских поэм именно в этих контекстах.

На наш взгляд, труд В. Бачваровой как по содержанию, так и по сформулированным автором подходам и выводам представляет собой заметное явление в историографии востоковедения и античности. Ею представлено системное, многоуровневое и многоаспектное исследование, не только заполняющее имевшую место в наших знаниях лауну, но и претендующее на научное, историческое объяснение крупной научной проблемы. В этой связи оно стоит в одном ряду с фундаментальными разработками

других западных ученых, публикации которых характеризуют современное состояние научных представлений относительно истории государств Малой Азии, Эгеиды, Восточного Средиземноморья и Балканской Греции в XIII–IX вв. до н. э.

Отмечая их положительные стороны, хотелось бы обратить внимание на абсолютизацию ими вклада в историю Древней Греции ее ближайших соседей из Передней Азии, Восточного Средиземноморья и Египта, а также полное забвение общих истоков происхождения древних греков и ариев. Между тем они нашли многочисленные отражения в мифологии, религии, материальной и духовной культуре двух далеко разошедшихся друг от друга в диаметрально противоположных направлениях народов. Происходя из общего очага, включив в себя родственные сатемно-кентумные этнокультурные группы, они относительно эпохи древности должны рассматриваться в науке как родственные друг другу по языку и культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Oreshko R.* Hieroglyphic inscriptions of Western Anatolia : Long arm of the Empire or vernacular traditions / R. Oreshko // *Luwian Identities : Culture, Language and Religion between Anatolia and Aegean* / ed. by A. Mouton. – Leiden, 2013. – P. 343–420.

2. *Yakubovich I.* Adanawa or Ahhiyawa? Reply to the addendum by J. D. Hawkins / I. Yakubovich // *Anatolian Studies*. – 2015. – Vol. 65. – P. 56–58.

*Воронежский государственный университет
Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент
кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru
Тел.: 8 (473) 236-91-83*

*Voronezh State University
Pisarevskiy N. P., Doctor of Historical Sciences, Associate
Professor of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru
Tel.: 8 (473) 236-91-83*